

Горелов В.Ю. Рассказ 13.10.2007

Горелов Вячеслав Юрьевич

Профессиональный морской геофизик. Неоднократно участвовал в морских экспедициях, в том числе, - вместе с автором сайта. В годы перестройки и сокращения морских работ сменил несколько специальностей. Одно время работал водителем трамвая.

Потом снова работал морским геофизиком, но уже на западные компании. Вячеслав Ю. пишет, в основном, стихи, которые также представлены на этом сайте. Рассказ «Crew change», - что означает «смена команды», - написан по следам «живых» событий, не подвергался правке ни редактором, ни корректором. Просьба к читателю быть снисходительным и попытаться найти в этом рассказе не только «промахи» начинающего писателя, но и что-то новое и интересное для себя, имея в виду то, что все написанное не выдуманно и отражает впечатления очевидца, который искренне стремится поделиться своими мыслями с Вами.

Название, написанное на английском языке, можно считать промахом Вячеслава Ю., или данью моде, или своеобразным юмором, а, вернее всего, - подтверждением искренности и "натуральности" его повествования. Он, как и большинство русских специалистов, работающих в англоязычных коллективах, видимо, испытывал "языковые" трудности и с трудом переходил с одного языка на другой, часто вставляя русские слова в свою английскую речь, а английские слова - в русскую.

Crew change.

Обстоятельства складываются так, что я просто вынужден прямо сейчас начать делать путевые заметки.... Сiju в своём номере 653

в 4-х * - ном отеле HOTEL COLBERT в городе Antananarivo, столице республики Мадагаскар...

Судно наше сейсморазведочное работает вблизи острова Мадагаскар. Экипаж - интернациональный. Язык общения - английский. Правда единственный человек на борту, для кого английский язык родной, это «клиент» Тони. Да и судно скорее китайское, чем интернациональное. Но рассказ мой сейчас не об этом. Судно имеет автономность плавания 25 суток и очередной заход в Тулеар планировался на 22 октября, однако неблагоприятный погодный прогноз заставил нас зайти в порт на неделю раньше. Простояли мы всего сутки - и снова в район работ. Как сказал Тони, для crew change (смена экипажа) мы можем использовать и наш кораблик сопровождения «Карину».

Дело в том, что мой сменщик должен был привезти с собой новый компьютер взамен или в помощь тому, что стал давать сбои. Так что смена эта прихотью моей никак не была. Хотя, конечно, если бы мою прихоть спросили, она бы была только рада происходящему. Домой в Санкт-Петербург меня в данный момент времени влекло то, что ещё не закончился футбольный чемпионат страны и я, страстный болельщик «ЗЕНИТА», хотел просто иметь возможность поболеть. Были, конечно, и другие основания считать, что моя смена своевременна, однако они не были столь критичны ко времени.

В общем 16-го судно приходило в порт и простояло там чуть более суток. Утром 17-го я сделал пробежку на берегу и, главное, - искупался в Индийском океане.

После разговора с Херилалой, представителем Мадагаскара, я узнал, что аллигаторов в этом месте нет. А после возвращения с пробежки у ворот пирса поинтересовался у охранника - Можно ли минут 5 поплавать?

- Are you a good swimmer? - Задал он встречный вопрос.

- Yes, I am! - Слегка соврал я.

После этого он ещё предупредил, что в песчаном дне может быть нечто, что кусается. Но я сказал, что обувь (спортивные тапочки) снимать не буду. И он подвёл меня к месту, где хороший пловец, каковым назвал себя я, мог бы спуститься в воду. Довольно крупные, хотя и скользкие в воде валуны и круто в глубину.

- А вот там - опасно! - сказал охранник, показав направо на довольно пологий и ровный спуск, предназначенный для спуска лодок. Позже я сообразил, что удобный до воды этот поросший в воде водорослями спуск становился там неожиданно скользким. В общем, я, хотя и не снимая тапок, удачно поплавал около пирса, а то ведь и в своей родной Оредежи уже два лета не окунался...

17-го вечером мы уже были снова в районе работ. Последующие трое суток оказались несколько напряжённее обычных. Вероятно из-за того, что информация о дате моей смены приходила противоречивая. Наконец 20-го пришёл Е-мэйл из которого мы узнали, что сменщика моего зовут Николай и на другой день я убываю с судна.

Так называемый «заветный миг» застал неожиданно. Как в 37-м:

- С вещами на выход!

Велели мне надеть спасательный жилет, закинули две мои сумки в резиновый катер. Катер спустили на ходу судна (судно работает себе на профиле и скорость его почти 5 узлов). Боцман за мотором, рядом ещё морячок китаец. И я спускаюсь по верёвочной лестнице. А лестница довольно длинная. В конце её закрутило, и я почти оказался под ней. Чуток пришлось повисеть на руках – не зря тренировался на перекладине – пригодилось! Благополучно спустился, и катер рванул к судёнышку «Карина», которое шло параллельным курсом метрах в ста в стороне. Мне помогли забраться на борт, боцман знаками потребовал вернуть каску и жилет и – Адью, сейсмопароход!

На «Карине» меня с двумя моими сумками сразу вознесли по крутому трапу на капитанский мостик. Капитан представился так : I am the Capitan.(Я – капитан.)

- А это - указал он на пожилого, очень не крупного и весьма не белого человека - мой старпом.

Старпом, как и полагается поступать с вновь прибывшими, сразу повёл меня по судну с вводным инструктажом, показывая место расположения спасательных жилетов и плотиков. На его предложение о принятии пищи, зная по китайскому судну что это такое, я сначала отказался, поскольку недавно там пищу принимал. Спустя некоторое время меня всё-таки привели в столовую. Первым меня там встретил стоя, так же немолодой, приветливый, крупный по сравнению со старпомом, усатый человек.

Я с каждым знакомился так:

- My name is Slava and what is your name? – Сперва запомнил только, что в имени его было «эр».

Другой, смешливый, сидящий на кожаном диване, ошарашил меня ответом: - -

- Можешь говорить по-русски.

- Ты – русский???

- Нет, болгарин. Зовут – Нинко.

Какое-то время внимание моё от Нинко было не оторвать. Я выспросил его, казалось, обо всём. Узнав, что он по существу один и вдали от Родины и контракт, по которому он работает, месяца через три закончится, я вспомнил о русскоговорящем докторе Эдали, который в группе других мадагаскарцев посетил наше судно в конце сентября в Тулеаре. Эдали говорил, кажется, что он директор рыбного порта. Я сбегал на мостик к моим сумкам и принёс для Нинко телефон доктора Эдали – может с работой потом когда поможет. Вскоре в столовой появился и второй русскоговорящий, тоже болгарин, высокий и крепкий по имени Радостин.

- Ну и имя у тебя классное! – восхитился я. Радостин оказался старшим механиком. Мы с ним разговорились на всю вторую половину дня. И о кораблике "Карина", который, оказалось, был построен около 30 лет назад аж в самой Голландии. И про участь болгар, разбросанных по свету в поисках лучшей жизни. И про болгарскую сборную по футболу, когда-то очень сильную.

- А что, кстати, с вашими хоккеистами? Ведь всех громили!

- Да, - говорю, - Больше не громят...

Радостин принёс под навес (а впереди судна была крытая его часть) бутылку пива. Предложил мне, но я вежливо отказался. Да и не зря, наверное, поскольку он потом, попивая сам, жаловался, что тут есть некоторые на борту, которые пьют его пиво и курят его сигареты. Потому что когда получают деньги – все их спускают на берегу, а в море выходят почти голышом. Рассказал мне ещё, что раньше - это была рыболовецкая шхуна. Показал, какие, где были лебёдки, снасти. Оказалось, что тогда на борту было до двадцати человек экипажа (сейчас – 6).

На его предложение показать мне главную машину я согласился и мы, надев наушники - противозумы, спустились в машинное отделение. Мало что понимая в судовых двигателях, я всё же почувствовал, что машина (тоже голландского производства) - красивая. Вспомнилась поездка на автомобиле одного знакомого, имевшем в двигателе 12 цилиндров. Идеально ровный гул.

Параллельно в этот же вечер развивалось моё знакомство с тем человеком, который в столовой (она же - кухня) встречал всех стоя. Он, как оказалось, был коком.

- Извините, ваше имя Ричард? – спросил я его на чистом английском.

- Чарльз, - ответил мне на ещё более чистом английском этот дядечка.

- О, как Диккенс! – попытался загладить свою оплошность я.

- Да, точно.

А уж как он меня накормил!

Ещё днём, когда я зашёл в столовую только что после китайского обеда, он предложил мне ломтики ананаса. А ведь я до этого два месяца фруктов почти не видел! Спустя пол часа он предложил мне тостеры, настоящие тостеры из белого хлеба со сливочным маслом, мармеладным конфитюром и кофе с молоком! Да при этом ещё обслуживал как настоящий официант в дорогом ресторане, угадывая каждое моё желание...

Незаметно сгустилась ночная мгла. В столовой периодически гремел видеоманитофон с каким-то стандартным дурным боевиком, который смотрел 6-й член экипажа, не показавшийся мне столь же приветливым, как остальные. Уже хотелось спать... Нинко посоветовал мне лечь в столовой, а то внизу – холодно.

- Внизу - это где? – встрепенулся я.

По очень крутой лестнице мы спустились вниз. Прямо под столовой оказался настоящий матросский кубрик. Двое пожилых сидели в одних трусах на диванчике, устроенном почти по всему периметру. Тут же коробки с бутылочками кока-колы, фанты, лимонадом. Почувствовав прохладу, я каким-то животным инстинктом прилип задницей к диванчику на небольшом свободном пространстве.

Чарльз улыбался. Достал из какого-то своего сундучка и угостил всех конфетами с шоколадом внутри, довольно качественными. Как я позже узнал - все продукты на «Карине» из ЮАР, точнее из Кейптауна. Оттуда же и сама яхта. По-моему слово «яхта» более всего к судну «Карина» подходит.

Побеседовали о том - о сём. Я разглядел над диваном несколько дупел. Дупло - по-моему, самое подходящее название для тех встроенных стенных шкафов с раздвижными дверцами, где ночевали постоянные члены экипажа.

Для меня дупла, похоже, не было. Тот же Чарльз, откинув наверх крышку своего диванчика, достал чистую наволочку, и, надев её на свою подушку, протянул мне. Второй пожилой (старпом) сгрёб свои брюки-рубашки в дальний угол, расчистив, как я понял, место для меня, и так же, открыв свой диванчик, одарил меня байковым одеялом. Дальше ничего не помню, потому что спал. Разве я так бы спал в столовой при верхнем свете?? А тут, когда они забрались в свои дупла и задвинули дверцы, стало темно, как не совсем во рту у совсем не белого человека...

С Чарльзом мы на другой день много общались. Тот, весьма не частый случай, когда общаешься на английском, но всё понимаешь и тебя понимают так же хорошо.

Чарльз ходит в моря 46 лет. Последние сорок четыре - коком. Кук - как правильно звучит это слово по-английски. 16-ти летним парнем привёл его на корабль отец.

- Отец хотел, чтобы я стал штурманом, капитаном. Но я понял, что хочу быть коком и отец в конце концов смирился. - Рассказывал мне Чарльз.

- Отец был мне и учителем и единственным настоящим другом. Сейчас у меня тоже есть только один настоящий друг. Это - моя жена...

...Так, на чём это я? Продолжаю свои записи в аэропорту Шарль-де-Голь, Париж. До посадки в самолёт на Санкт Петербург ещё часа три как минимум...

... Чарльз снова угощал конфетами, говорил шепотом, что на судёнышке у него здесь друга нет.

- Вот закончится контракт месяца через три, и - уйду совсем из морей! Да и руки вот стали трястись, а тут на мне и уборка и швартовка - сетовал он.

Около 11 часов утра благополучно вошли в бухту Тулеара. Хотя судно для разворотов и выделявало странные кренделя. Радостин сказал, что отказала система ручного управления рулём – только «на автомате» можно идти. Чарльз тоже подтвердил, что на судне имеются серьёзные технические проблемы и в Тулеар уже прилетел из Кейптауна владелец «Карины».

Ещё Чарльз рассказал, что в местных мадагаскарских лесах много обезьян-макак и змей. А вот крокодилы и аллигаторы, оказывается, разные животные.

Крокодилы живут только в реках, в пресной воде. Их длина бывает до 12 метров, а вес – более тонны. Но они на суше неповоротливы и от них можно убежать.

А вот аллигаторы – небольшие, метра 3 – 4 длиной и на суше развивают скорость до 40 км/час. А живут, то есть водятся, эти аллигаторы в устьях рек и даже могут быть в солёной морской воде.

- У нас в Кейптауне прошедшим летом аллигатор съел одну пожилую купальщицу. У нас это не редкость. – Продолжал он, сидя на изготовке со швартовым канатом в руках .

На берегу, на причале уже было десятка два встречающих и ротозеев. Один из них, скорее сильно загорелый, чем чернокожий и был агент Роланд, которому я должен был передать пакет от Тони.

А пароходик-то наш – того...

Действительно носом причала коснулся, а корму его еле-еле минут за 15 смог придвинуть лоцманский катер, развивая своим двигателем настоящую бурю.

В машине Роланда на переднем сидении сидел молодой поджарый «бледнолицый», который всё это время, уткнувшись во что-то наподобие книги, не обращал внимания на происходящее.

-- Вы – Николай?

-- Да. – Мой вопрос заставил его очнуться и обернуться. Парень мне понравился. Оказалось, что он тоже болельщик «Зенита» и тут уж мы разговорились!

Нас повезли в гостиницу. Одноэтажные маленькие фазенды с пальмами на огороженной высоким забором территории. Николаю предоставили номер. Мне Роланд посоветовал посидеть с вещами в холле...

- Но если ваш товарищ не против – можете посидеть и у него...

Включил Николай телевизор – и сразу «новости», Евроспорт, футбол. Чужие команды не «захватывали». Или я отвык болеть? Принял с позволения Николая душ. Немного полегло. Всё-

таки морские вояжи на малых судах выматывают. Судёнышко отслеживает каждую волну. Качает его резко и часто. Водоизмещение «Карины» всего 350 тонн.

Тянулись часы...Агент Роланд, обещавший появиться к 15-00, всё не появлялся. Николай прилёт. Я то сидел на стуле, то прогуливался в тесном дворике с банановыми пальмами. За высокой каменной оградой слышны были крики людей.

- Strike(забастовка) – Объяснил нам ещё утром Роланд, когда полицейские заставили наш автомобиль добираться до отеля в объезд.

Появление Роланда было похоже на внезапный вихрь.

– Всё в порядке! Собирайтесь!

Сказал он мне на едва понятном английском, обильно сдабривая его незнакомыми мне, вероятно, французскими словами. Чётко я понял только одно: им удалось заказать билет на самолёт, вылетающий в понедельник из Антананариву в Париж. Следом за нами с каким-то вопросом выскочил из номера Николай, но Роланд замахал на него руками одновременно указывая на забор: мол, отстань, там и так забастовка!

За порогом гостиницы действительно былолюдно и шумно. Какой-то негр пытался толи помочь мне, толи выхватить из рук одну из двух моих сумок, но я не зря занимался гимнастикой на пароходе! Роланд, а за ним и я, продрались к какой-то крупной, однако легковой машине, в которую Роланд меня и погрузил со словами:

- Only for you! (только для Вас!)

Слегка странными показались тогда мне эти его слова. Что я, на автомобилях что ли не катался? Но тогда я словам этим серьёзного значения не придавал. Шофёр улыбался, однако по-английски не разговаривал. Только иногда что-то лопотал по-своему. Так что я во второй раз за этот рейс почувствовал себя в роли домашнего животного, которое только отчаянно пытается понять происходящее, но наверняка ничего не знает и спросить не может.

Мы в отель или в аэропорт? – попытался, используя, казалось бы общеизвестные интернациональные слова выведать у шофёра я. Тот почему-то мысленно (было видно по лицу) споткнулся с ответом, но потом изрёк что-то похожее на "Э-А-ПОТ".

Зренье и внимание моё были напряжены до предела.

Вот на каком-то перекрёстке нашу машину ожидают мужчина и женщина, мулаты. Шофёр останавливает машину и о чём-то спрашивает меня. Я пытаюсь переспросить – но без толку.

Абсолютно непонятно. Вижу, что, вроде, подвезти их хочет, и говорю, наконец:

- O*KEY!

Шофёр облегчённо вздыхает и позволяет им сесть рядом на переднем сидении. Я уже несколько осмотрелся: это не просто легковуха, а что-то вроде маршрутки. Грузят какие-то вещи (мои сумки у меня зажаты в руках). Что-то закидывают и привязывают на крышу машины и, – поехали!

По обе стороны от дороги два потока пешеходов, велосипедистов и рикш.

Машина едет в нешироком пространстве между ними на максимально большой скорости. Слышал от напарника, что от гостиницы до аэропорта на автомобиле минут 15 – 20 езды. Тормозит шофёр только в исключительных случаях. Ну, например, когда на дороге стадо коров.

Вечер стоит необычайно красивый.

Ещё вчера с борта "Карины" я как зачарованный наблюдал всполохи электричества между облаками. Не зря Херилала сказал, что скоро сезон дождей. Видно что-то в природе меняется и, прежде всего, на небесах.

На часы свои не смотрю – что может изменить знание мною времени?

Асфальтовая дорога хорошая, но не широкая. Вот если бы у нас в Питере морозов не бывало – тоже бы, наверно, асфальт не трескался! Если бы кто-то провёл разделительную белую полосу, то было бы по одной полосе движения в каждую сторону. Но никто ничего на асфальте не провёл и водитель, по какой стороне хочет - по той и едет.

Вдруг – полицейский кордон. На асфальте какие-то зубья выложены, наподобие грабель – не проскочишь. Машина останавливается и к нам подходит дежурный. Наш водитель обменивается с ним одной – двумя фразами и полицейские, которые, впрочем, больше походят на дружинников с автоматами, машут нам: проезжайте!...

Хорошо, что я могу изъясняться по английски. Мы с Херилалой часто за обедом «болтали», хотя коллегу моего, не так в английском искусного, это, возможно, и раздражало. Поскольку он иногда перебивал меня на родном русском. Как будто мы с ним на русском в каюте не могли наговориться!

А вот с Эммануэлем, а, главное с Херилалой, общение в основном во время принятия пищи всего два раза в день. Пищу на судне, конечно, можно и в другое время принимать, если найдёшь. Но вот дважды в день на это занятие приглашают свистком.

Так вот, я уже знал от Херилалы, что дороги железной как таковой из Тулеара в Антананариву нет и существует только два способа добраться:

А) Самолётом.

Б) На автомобиле. Но это довольно долго, часов 17 – 18.

Я видел по карте, что по прямой всего километров 600. Но почему так долго?

- А дорога петляет и в стороны и вверх – вниз, - объяснял Херилала. Поговорили и забыли.

А вот теперь вспомнилось.

За открытым окошком автомобиля проплывают фантастически красивые картины природы. На небе кроме туч ещё и высокие (выше неба!) белые – прибелые облака. Дорога начинает петлять по холмам. Едем уже явно более часа и у меня нет сомнений, что везут не в местный аэропорт.

Это очень красиво – закат в Тулеаре

Как гигантские гуси слои облаков.

Если вы не бывали на Мадагаскаре,

Рассказать – бесполезно, хоть я и готов.

Никогда мною ранее не виданные яркие, сочные цвета пейзажа просто завораживают меня. Мелькает даже мысль, что если всё это кончится тем, что меня куда-то завезут и съедят, как Кука, то это будет логично. Ведь было же в древней Мексике, что избирали человека и целый год выполняли все его желания и прихоти, но по прошествии этого года, приносили в жертву, топили в Священном озере!

Однако, что называется, страха в глазах нет. Впереди сидящая женщина ни разу не обернулась. Гордая? Или для них меня просто не существует?

Сгустились сумерки, потом ночная мгла. Мне просторно. Можно сумку под голову и ноги протянуть поперёк машины.

Встречные автомобили, приближаясь, переключают свет на ближний, но уж больно тесно на дороге! Мелькает мысль, что если бортами заденем – может мне и голову снести. Перекалдываю сумку-подушку направо. Становится чуть спокойнее.

Вспоминается анекдот про грузинскую автошколу:

Сдающему экзамен предлагают представить себе горную дорогу. Слева – пропасть. Справа – скала. Неожиданно впереди на дороге две женщины, молодая и старая.

- Кого давить будешь???

- С-с-старую.

- Не правильно говоришь! Педаль давить будешь! Тормоз давить будешь!

Не скажу, чтобы пропасть, но постоянное присутствие рядом с дорогой оврага в сотню метров глубиной – тоже для меня, пассажира, ощущение малоприятное.

Наконец въезжаем в какой-то людный, освещённый электричеством посёлок. Машина наша сворачивает с дороги и паркуется, втиснувшись, бог знает как у какой-то людной забегаловки. Мужчина, сидящий впереди справа, наконец, оборачивается ко мне и словами и знаками предлагает перекусить.

- I have no money. (У меня нет денег) – Говорю я и это чистая правда.

Все трое впереди замирают, как парализованные.

-- They will give me money only in Antanariva. - оправдываюсь я. И на повторное предложение шофёра добавляю:

- I am not hungry. Mayby toilet?

Голода в тот момент я действительно не испытывал, только писать хотелось, но, кажется, терпеть ещё мог.

- Not hungry (Не голоден) – это они поняли и все трое спокойно куда-то пошли. Видимо, кушать.

Темнокожие фигуры, практически чёрные во мраке ночи, постоянно протискивавшиеся рядом с автомобилем

настоящего страха во мне не вызывали. Не зря тогда папа терпел! (Мне рассказывала

мама моя, что папа меня маленького, грудничка, поднял над своей головой на вытянутые руки и я вдруг стал писать. Чуть ли не папе в рот. И папа не шевельнулся. Терпел чтоб не напугать. Вот какие папы умные бывают)...

Продолжаю свои записи в аэропорту Шарль де Голь. Да, Франция, прозрачные две станы и за ними - тучи ключьями. Через час сорок пять вылет самолёта на Питер. Цены на еду неподъёмные. Булочка 3 – 4 Евро. Забыл в лайнере А-340 отложенные сласти в кармане переднего сидения. Сейчас бы съел. Зато есть вода в пластиковой бутылочке, и туалет рядом...

...Ещё среди ночи был час, когда я дрожал. Напялил на себя всё, что смог, но дрожал. Видимо, мы были высоко в горах. Увидев огромную круглую луну, долго наблюдал за ней, вертя головой и пытаюсь понять: это начало или, слава Богу, уже конец ночи?...

...Они поели и вернулись. Мужчины сменились за рулём. Сперва и это меня беспокоило. Женщину с вещами высадили среди ночи в каком-то довольно крупном городе. Я подумал, было: - Антанарива, наконец?

И тут не обошлось без чёрного юмора. Когда высаживали женщину, я тоже вышел из машины и рассмотрел её, этой машины, марку. Я увидел, что это тайота-дизель, похвалил машину шофёру. Тот кивнул. Будто понимать меня начал.

Ну я и спросил его: - Далеко ещё до Антанаривы?

- Антанарива??? - пожал плечами водитель, как-будто впервые в жизни слышит это слово.

Но других вариантов действий, кроме как отдаться на волю судьбы, я для себя не видел.

Время от времени нас по-прежнему останавливали полицейские патрули и всякий раз после обмена двумя-тремя фразами с шофёром пропускали дальше, словно он, шофёр, пароль какой знал...

Дважды при лунном освещении я видел, что поворот дороги вместо привычных белых столбов обозначен живой изгородью из кактусов в человеческий рост...

Несколько спокойней я себя почувствовал только поздним утром, когда разглядел, что вдоль дороги периодически стоят маленькие белые столбики с километражем. И на каждом написано что-то, как-будто то самое заветное слово: ^ant...

Почему шофёр тогда пожал плечами? Или ему импонировало, что я, белый человек, ничего не понимаю в происходящем? Или дело в том, что правильное название столицы Мадагаскара не Антанарива, а Антананариву? Вряд ли я когда узнаю ответ на этот вопрос.

И всё равно когда взошло солнце – стало легче на душе. Хотя дорога по-прежнему извивалась по склонам гор, но красота природы не давала блуждать мыслям, приковывала внимание и заставляла восхищаться.

Стал замечать идущих вдоль дороги женщин в белых платьях, сначала единицы, а потом и во множестве.

Вспомнился разговор с Чарльзом на «Карине», который в ответ на мой вопрос:

-А когда ты не в море, а дома – кто готовит? - Ответил:

- Жена. А по воскресеньям, когда она ходит в церковь, я.

Да, это как раз было воскресное утро. Я, наконец, разобрался: в микроавтобусе, который имел 13 сидячих мест и ещё два откидных, в столицу Антананариву по дороге протяженностью 1000 километров из Тулеара везли меня одного. Прямо к дверям 4-х звёздного отеля Colbert, возможно лучшего в стране. И то что я, белый человек, не понимал ничегошеньки по-французски, не просто меня не украсило, а даже делало здесь, на Мадагаскаре, настоящим изгоем.

Тут, в отеле, уже говорили по-английски. Номер для меня был заказан, пришлось лишь полчаса подождать, пока в нём приберут. Агент Роза по мобильному телефону нашлась сразу, и я зажил жизнью туриста в номере за 89 Евро в сутки и питанием за счёт фирмы. Когда я посетовал агенту Розе, что однажды уже пробовал начать изучать французский, но некому было помочь при затруднениях с произношением, она ответила:

- Ну и мне здесь просто не с кем разговаривать по-английски.

Постоянная тревога, так долго сопровождавшая меня, постепенно улеглась. Пенталгин оказался хорошим помощником в борьбе с головной болью. Пиво, душ и хорошая еда сделали своё доброе дело...

Почти Harry End. Почти – потому что я ещё не дома. Я ещё в Париже.

Аэропорт Шарль де Голь. 25.10.2005г.

Послесловие.

На Мадагаскаре я был потом ещё раз. Узнал, что Антананариву, это не абракадабра. В переводе с местного слово это означает: Город тысячи солдат. Несколько веков назад некто с тысячей солдат вошёл в город и объявил себя правителем.

Полицейские патрули, которые каждый час останавливали нашу машину, просто спрашивали у водителя не случилось ли чего на вверенном им участке дороги. Для меня –то это весьма необычно было. Будто ГАИ-шник остановил машину и, не потребовав у водителя никаких документов, а просто обменявшись с ним парой фраз, отпустил.

И так много раз.

Ещё Херилала в ответ на мой вопрос о змеях на Мадагаскаре сказал, что среди них нет ядовитых. Надеюсь, и не будет!